

Ерулан Канаıпыанов – известный композитор, публицист, общественный деятель и меценат, почетный гражданин города Алматы. Автор более 70 музыкальных инструментальных и вокальных произведений, в том числе гимнов Эстафеты огня 7-х зимних Азиатских игр и 28-й зимней Всемирной Универсиады. Соавтор рок-оперы-балета «Такыр» на тему экологического бедствия Аральского моря. Автор двух поэтических сборников: «Таинственный мой сад», «Восхождение к истоку» и трех книг прозы: «Вселенная судьбы», «На всех одна Победа», «Өнегелі өмір». Президент Евразийского фонда культуры, вице-президент Международного казахского ПЕН-клуба, академик Академии журналистики Казахстана, почетный профессор Ка-

захской национальной академии искусств им. Т. Жургенова. Член союзов композиторов, писателей и журналистов Казахстана. Кавалер орденов «Құрмет» и «Парасат», ордена Олжаса Сулейменова и ордена Динмухамеда Кунаева. Награжден и другими государственными и общественными наградами Казахстана, Германии, Монголии, Польши, России, Украины. В мае 2025 года за выдающийся вклад в культуру и искусство Тюркского мира награжден Золотой медалью ТЮРКСОЙ – высшей наградой Международной организации тюркских государств.

Ерулан КАНАıПЬЯНОВ

ЗАПОВЕДЬ КОЧЕВНИКА

Историческая повесть

Зима 1710 года выдалась в Туркестане не по-обычному холодной. Уже в начале декабря выпал первый снег, и при этом обильный снегопад продолжался несколько дней. Было непривычно видеть огромные сугробы снега на площадях города.

Жангир султан собирался в дорогу по заданию своего отца Канышер Абылая. Ему предстояло с двумя сотнями воинов отогнать большую часть лошадей на сто верст южнее Туркестана. Там, в южных степях, не было снега, и лошади могли питаться подножным кормом. А для нескольких табунов, которые оставались в городе при войске, запаса кормов хватало. Жангир султан должен был одну сотню воинов оставить при табунах в южных степях, а с другой сотней возвратиться в Туркестан.

В центральной части города было расположено несколько султанских дворцов. Один из них принадлежал Канышер Абылаю. В правой части этого дворца, состоявшей из нескольких помещений, проживал Жангир султан со своей молодой женой Кулан. Ее отец в молодом возрасте погиб в битве с джун-

гарами. Он был чингизидом, потомком Керей хана и одним из близких друзей Канышер Абылая. А мать Кулан была кипчачкой, ее родословная велась напрямую от знаменитого кипчакского хана Кончака.

Левая часть дворца, также с несколькими помещениями, была отведена Уали султану – старшему брату Жангира. А центральная основная часть предназначалась для самого Канышер Абылая.

* * *

Жангир султан сидел, скрестив ноги, на коврике за небольшим круглым столом и перед дорогой пил чай. Кулан распорядилась, чтобы принесли тонко нарезанной конины, изюма, орехов, и осторожно присела к столу.

– Оденься теплей, – изящно держа в руке маленькую пиалу, сказала Кулан. – Я велела, чтобы принесли теплый халат из верблюжьей шерсти и малахай из лисьего меха.

Жангир султан широко улыбнулся, нежно провел ладонью по ее щеке и сказал:

– Ну, малахай – это уж слишком, там, на южных лугах, не так холодно. А верблюжий халат, пожалуй, возьму.

Со словами: «Ну, мне пора» он легко поднялся с ковра. Кулан тоже попыталась встать насколько возможно проворнее, но у нее это не получилось – она была на последнем месяце беременности и должна была вот-вот родить.

– Осторожней! – сказал Жангир султан, помогая ей подняться. – Тебе не стоит спускаться вниз, чтобы проводить меня.

– Нет, нет, что ты! – запротестовала Кулан. – Я должна еще что-то шепнуть на ухо твоему коню.

Жангир султан смирился. Она всегда перед битвой или перед дальней дорогой разговаривала с его конем. Жангир уже к этому привык и не обращал на это внимания. Единственное, что не переставало удивлять Жангира, так это то, что его серебристо-вороной конь, его буйный Кара Дауыл, при появлении Кулан становился смирным и послушным. Она и сейчас что-то нашептывала ему на ухо, зажав в левой ладони два кусочка сахара. Закончив свои слова, она разжала ладонь, и Кара Дауыл захрустел, поедая лакомство.

Еще Жангир заметил, что перед дорогой Кулан давала коню только два кусочка сахара. А когда они благополучно возвращались, ее радости не было предела, и она выбегала к ним навстречу, держа в руке полную тюбетейку сахара. Подбежав, она одной рукой гладила коня по холке, что-то опять нашептывая ему на ухо, а в другой руке держала тюбетейку, наполненную сахаром. Затем, положив тюбетейку на землю перед конем, Кулан бросалась уже спешившемуся Жангиру на шею и долго его не отпускала. А Кара Дауыл в это время поедал свое лакомство. Жангир в такой момент всегда начинал шутить, одновременно разговаривая и с конем, и со своей любимой. Обращаясь к Кара Дауылу, он говорил:

– Ешь, да? Ух ты, сластена, ух, нахал. Поедаешь, да? Надо же, тебе вон целую гору сахара сразу дали, а мне даже чашку воды с дороги никто не хочет подать.

Обычно в этот момент Кулан приходила в себя. Она брала Жангира за руку и быстро вела наверх в их покои, где на красивом резном столике была не только вода, но и всё, что душа пожелает: кумыс, шубат, конина, фрукты, сладости. А самое главное – горячие, свежие лепешки, которые очень любил Жангир. Подведя его к столу, она снова бросалась ему на шею, и тут уже никто не мог ей помешать. Она так неистово любила его...

Жангир отошел в сторонку, подозвал старшую служанку – жену преданного ему туленгута – и сказал:

– Вы же знаете, ей скоро уже срок. Будьте всегда рядом с ней.

– Не беспокойтесь, Жангир-торе, мы обо всем позаботимся, – ответила женщина и поклонилась султану.

Он легко вскочил в седло и быстрой рысью выехал за ворота дворца. Там его для сопровождения ждали десять отборных нукеров, с которыми он, миновав центральные ворота города, направился к роще, находившейся в версте от города, куда уже сгонялись тысячные табуны лошадей, чтобы оттуда общей массой двинуться на южные луга.

* * *

Кулан поднялась к себе. Через некоторое время служанка доложила, что пришла ее свояченица Сания – жена Уали султана. Кулан обрадовалась ее приходу и вышла навстречу.

– Я пришла тебя попроведать. Как ты себя чувствуешь? – начала с порога Сания. Женщины обнялись.

– Я принесла тебе листового чаю, он очень ароматный, и светлого изюма, мне его привезли из Хивы, – сказала Сания.

– Спасибо тебе, ты всегда такая заботливая. – ответила Кулан. – Давай сразу заварим этот чай. Я хочу его попробовать.

Женщины сели чаевничать.

– Я слышала, что Жангир султан в отъезде? – спросила Сания.

– Да, он уехал сегодня с воинами отгонять лошадей на юг. А как Уали султан? – в свою очередь поинтересовалась Кулан.

– Он весь обложился книгами, я не смею ему мешать.

У Кулан и Сании были очень доверительные отношения. В том числе и потому, что они примерно в одно время, два года назад, стали невестками Канышер Абылая. Их мужья были родными братьями и уважительно относились друг к другу.

Уходя, Сания сказала:

– Береги себя! У тебя скоро наступают ответственные и важные дни. Мне пока Бог не даровал такого счастья, но я надеюсь, что заслужу его.

– Да, конечно, – откликнулась со всей добротой Кулан, – у тебя всё впереди!

* * *

Наступил десятый день, как уехал Жангир султан. После полудня Кулан сидела на коврике и нанизывала на шелковую нить бусинки из разноцветных камней, которые ей подарил Жангир. Вдруг она почувствовала то, что должна была почувствовать. То, чего ждала все последние дни. Она тихонько позвала служанку, которая, вбежав в комнату, сразу всё поняла. Служанка быстро распорядилась позвать двух опытных женщин и знахарку, а сама стала готовить всё необходимое.

К вечеру всё благополучно разрешилось. Кулан, как в тумане, услышала: «Мальчик! Мальчик! Смотрите, какой беленький!»

Ранним утром, чуть забрезжил рассвет, Кулан проснулась и чувствовала себя намного лучше, чем вечером. Ей тут же служанка принесла ребенка. Кулан приподнялась и села на большой, из резного дерева кровати. Она держала ребенка и вспомнила, как вчера кто-то говорил: «Смотрите, какой беленький!» Малыш действительно был беленький, с ясно выраженными губками, высоким лбом, рыжими волосиками. Глаза его были закрыты, он спал, но ей показалось, что даже в состоянии сна у него серьезное выражение лица.

Она прижала его к себе и сказала:

– Здравствуй, мой мальчик! Здравствуй, малыш! Скорей бы приехал твой отец... Как же он будет рад!

* * *

Жангир султан с двумя сотнями нукеров благополучно сопроводили десяти тысячный табун лошадей к южным лугам и уже пятый день находились в

обустроенном ими походном стане из двух десятков юрт. Стан они разбили в небольшой расщелине, у подножия скалы. В ста саженьях от этого места протекала речка с множеством мелких рукавов, вода в которых не замерзала и зимой, так что травы и подножного корма для лошадей было предостаточно.

Лично проверив обустройство стана и убедившись, что теперь без особых трудностей здесь можно содержать лошадей до более теплых дней, Жангир султан с одной сотней воинов собирался в обратный путь, в Туркестан. Другую сотню во главе с опытным сотником Бердибеком он оставлял здесь, с лошадьми.

Направляясь к своему коню, Жангир султан давал последние наставления провожавшему его Бердибеку:

– Десяток самых резвых коней держите постоянно возле юрт, непосредственно в стане, а не в табуне. И если не дай Бог что, то сажайте на них сразу несколько гонцов, чтобы во весь опор мчались в Туркестан.

Немногословный, небольшого роста, но жилистый, с цепким взглядом сотник Бердибек кивнул головой и показал рукой в сторону своей юрты. Посмотрев туда, Жангир султан увидел, что несколько воинов сооружают небольшой загон для десятка лошадей прямо возле юрты Бердибека. Поняв, что бывалый сотник уже дал такое распоряжение, Жангир султан остался доволен этим и, хлопнув Бердибека по плечу, легко взлетел в седло.

Его конь быстро перешел на рысь, и вся сотня нукеров в походном строю двинулась за султаном. Обогнув сопку с восточной стороны и взглянув вверх, Жангир султан, также с удовольствием для себя, отметил, что Бердибек на вершине сопки выставил караул из четырех нукеров, которые с высоты вели постоянное наблюдение.

Двигаясь неторопливой рысью, всадники к полудню преодолели двадцать верст. С севера подул холодный пронизывающий ветер, и Жангир решил сделать небольшой привал, чтобы воины могли подкрепиться и напоить своих лошадей. По его знаку нукеры осадил коней и начали спешиваться. В этот момент в пятидесяти саженьях с правой стороны, в зарослях чия, они заметили какое-то движение. Было видно, как несколько человек вышли из зарослей и вновь поспешно вернулись назад. Жангир султан дал команду, и все как один вновь оказались в седлах. Два десятка нукеров, вооруженных саблями, с копьями наперевес, он отправил к зарослям на разведку. Остальные воины остались с султаном, вытянувшись в боевую линию. Около тридцати лучников, готовых открыть дальнюю прицельную стрельбу, выдвинулись вперед. Через некоторое время разведчики дали знать, что опасности нет, и все воины во главе с Жангир султаном двинулись к зарослям. Приблизившись, они увидели картину, которая не могла не вызвать у них сочувствия и глубокого сострадания. В зарослях пряталась группа изможденных людей – всего около шестидесяти человек. В их числе было только несколько дееспособных мужчин, которые при приближении султана сразу встали и с поклоном подошли к нему. Остальные – старики, женщины и дети. У всех был измученный, истощенный вид, некоторые были ранены. Из их рассказа Жангир султан и все остальные узнали страшные подробности произошедшего с ними.

Все они принадлежат к одной из ветвей казахского рода конькрат, и их многочисленный аул кочевал в трехстах верстах к востоку от Туркестана. Около десяти дней назад на аул ночью внезапно напали джунгары. Те из мужчин, кто успел сесть на коней и взять оружие в руки, оказали отчаянное сопротивление. Но их быстро перебили, потому что джунгар было в несколько раз больше. К тому же спавшие и ничего не подозревавшие люди не успели даже надеть на себя какие-то доспехи. Тем не менее защищавшимся все-таки удалось уничтожить несколько десятков врагов. Джунгары, уверенные прежде в том,

что, напав на спящий аул, не понесут никаких потерь, встретив упорное сопротивление, были крайне озлоблены и, озверев, устроили жестокую расправу. Они подожгли все до одной юрты и согнали всех людей на большую поляну. Отобрав молодых девушек, чтобы увести их с собой, джунгары безжалостно перебили всех остальных – и мужчин, и женщин, и стариков, и детей. А люди, которые повстречались на пути Жангир султану, – это те, кому действительно чудом удалось спастись. Кто-то из них успел под покровом ночи убежать в степь, кто-то спрятался под обгоревшими остатками сожженных юрт, кто-то был ранен и принят джунгарами за убитого.

У многих воинов из сотни, сопровождавшей Жангир султана, от этого страшного рассказа и от вида измученных людей нервно заходили желваки на лицах, а сердца были полны яростью.

Жангир султан спросил:

– Куда сейчас вы направляетесь?

Мужчина лет пятидесяти ответил:

– Мы идем к своим сородичам. Большую часть пути мы уже прошли. Осталось немного – верст тридцать на запад. Здесь, в зарослях чия, мы решили немного передохнуть.

Жангир султан сказал:

– Из своего провианта мы вам оставим копченой конины, курта, несколько торсыков кумыса, воды и сушеных фруктов. Также у нас есть десять запасных коней. Из них мы пять лошадей оставим вам. Но не надо их резать на мясо. Того запаса еды, что мы вам оставим, на тридцать верст пути хватит. К тому же будьте осторожны – изголодавшимся людям сразу много еды давать нельзя. Распределите всё равномерно на весь ваш путь. А на лошадей лучше посадите тех, кому совсем тяжело идти, и тогда вы быстрее дойдете до своих сородичей.

Измученные люди поклонились Жангиру, и он услышал:

– Кто ты, спаситель наш? Кто ты, досточтимый батыр?

– Я – Жангир султан, сын Канышер Абылая. Мир праху и упокоение душам безвременно погибших ваших сородичей. Давно не было слышно о таких наглых набегах джунгар. О случившемся с вами я расскажу правителям в Туркестане. А вам – доброго пути.

Сказав это, Жангир султан дал знак воинам, которые тут же подвели под уздцы к людям пять лошадей, а также передали еду и кумыс. После этого сотня отъехала на полверсты и выстроилась в походный строй.

– Привал сделаем позже, у родника Сары, – сказал Жангир султан и быстрой рысью повел свою сотню.

На всем пути после встречи с этими несчастными людьми у Жангир султана постоянно возникал в голове один и тот же вопрос: «Почему и чем можно объяснить, что уже столько лет идет непримиримая вражда между казахами и джунгарами? Ведь с джунгарами воевал и мой прадед Ер-Есим хан, и дед Салкам-Жангир, и отец Абылай. А сейчас, слава Богу, Казахское ханство является сильным и единым, и вроде бы о набегах джунгар последние десять лет вообще не было слышно. Но вот снова набег... Чем это объяснить? Может быть, коныратцы, оказавшиеся в трехстах верстах на восток от Туркестана, – дали повод джунгарам подумать, что казахи претендуют на их пастбища? Либо джунгары опять делают наглый вызов казахам? Если это так, то тогда жизненно важно, чтобы все казахские племена были всегда едины, как сейчас. В противном случае – враг не дремлет». Такие тревожные мысли не покидали Жангир султана.

Через несколько дней, делая дневные остановки и ночные привалы, Жангир султан с воинами добрались до Туркестана.

* * *

В полдень Кулан в своих покоях кормила малыша грудью. Прошел всего седьмой день, как он родился, но Кулан уже не только успевала заботиться о ребенке, но и начала что-то делать и хлопотать по дому, чем она любила заниматься ранее. После родов она похорошела. Формы ее несколько округлились. Взгляд ее светился счастьем первого материнства и, конечно, радостным ожиданием Жангира. Ей так не терпелось его обрадовать, потому что она знала, как он хотел сына.

Малыш жадно прильнул к груди своей матери. Кулан же, кормя своего сына, тихо напевала ему одной ей известную мелодию. В какой-то момент снизу, у ворот послышался топот копыт. Кулан прислушалась, но ничего далее не последовало. И когда Кулан подумала, что это, наверное, просто очень близко к воротам проскакал по улице какой-то всадник, она услышала ржание коня. Это, без сомнения, был Кара Дауыл. Спутать его Кулан не могла никак. Она вся засветилась радостью. И, конечно, в другое время Кулан уже неслась бы вниз с полной тюбетейкой сахара. Но сейчас она кормила малыша. А знахарка ей говорила, что нельзя ни в коем случае прерывать кормления. И сидела она с малышом на красивой, из резного дерева кровати в желто-белом шелковом халате, ожидая своего любимого.

Жангир вбежал наверх и остановился посреди комнаты, не осмеливаясь приблизиться. Так они некоторое время и смотрели друг на друга счастливыми глазами. Затем он подошел к Кулан, сел возле ее ног на полу. Она продолжала кормить ребенка, а он смотрел то на нее, то на своего сына. Кулан одной рукой прижимала к себе малыша, а другой – теребила за волосы своего любимого, приговаривая:

– Видишь, султан, своего сыночка? Видишь?

Жангир взял руку Кулан и поцеловал несколько раз. Затем он опять посмотрел на малыша и сказал:

– Смотри, какой серьезный! И брови хмурит, когда ест. Прямо настоящий султан!

В это время со двора послышалось продолжительное ржание Кара Дауыла. Кулан, поняв, в чем дело, быстро подозвала служанку и велела ей:

– Возьми полную чашку сахара и отнеси коню.

Служанка пошла вниз. А Жангир султан продолжал рассматривать своего сына и беседовать с Кулан. Вдруг со двора послышался нервный храп и многократное громкое ржание коня, а также голоса людей. Тут же наверх вбежала перепуганная служанка с чашкой сахара и проговорила:

– Госпожа! Он никого к себе не подпускает. Я хотела ему дать сахар, но он так рванулся и встал на дыбы, что я еле унесла ноги...

Кулан закончила кормление, положила малыша, надела большой теплый халат и, взяв чашку с сахаром, направилась во двор. Жангир на всякий случай пошел с ней. Когда Кулан спускалась по витой лестнице, она увидела, как Кара Дауыл продолжал буянить, а нукеры из личной охраны Жангир султана, которым тоже было всё понятно, стояли в сторонке и посмеивались над ним, изредка посвистывая и приговаривая:

– Давай-давай, бесись!

Когда появилась Кулан, нукеры враз притихли. Но Кара Дауыл, еще не заметивший ее, всё мотал головой и бил копытом землю. Наконец он ее уви-

дел и встал, не двигаясь, как вкопанный. Она смело и решительно подошла к нему вплотную, как только она могла это делать, протянула ему сахар и потянулась к его уху, чтобы сказать несколько слов. Но конь, к ее удивлению, не тронул сахар и отвернулся в сторону.

– А, я же забыла! – воскликнула Кулан. – Ты же привык кушать из тюбетейки.

Она быстро достала из кармана своего халата тюбетейку, пересыпала в нее сахар из чашки и вновь протянула его Кара Дауылу. Но тот снова начал отворачивать шею. Кулан всё шла за ним, а он отстранялся от нее. И так они кружились на одном месте.

Кулан остановилась и, поглаживая коня по холке, проговорила:

– Ты что, обиделся, что я сразу не вышла? Глупый ты мой...

И в этот момент ее осенило. «А ведь он чувствует какой-то незнакомый ему запах. От меня пахнет ребенком. Он чувствует, что во мне что-то изменилось, и не может понять». Она двумя руками обняла Кара Дауыла за шею и повторила:

– Глупый ты мой, хороший ты мой... У нас с твоим султаном появился сын. Я тебе его покажу. – И, потянувшись ближе к его уху, шепнула: – Спасибо тебе. Ты опять привез его мне целого и невредимого. Ты мой несравненный Кара Дауыл, ты мой верный и самый умный на свете конь. Успокойся, ты уже узнал меня, ты же слышишь мой голос. Вот и молодец. Вот так, умница...

Было заметно, что, действительно, Кара Дауыл начал успокаиваться. Кулан, продолжая что-то коню нашептывать, вновь протянула ему тюбетейку с сахаром. И вот до ее ушей донесся знакомый хруст. Она не стала опускать тюбетейку на землю перед конем, а терпеливо стояла, держа ее в руке, пока та не опустела...

Жангир султан умылся с дороги, переоделся и сразу же направился в центральную часть дворца, чтобы доложить отцу – Канышер Абылаю – о своей поездке. Нукеры, стоявшие в карауле у центрального входа, при приближении султана узнали его и поспешно открыли ворота. Жангир поднялся по лестнице и вошел в залу. Это было небольшое помещение с несколькими оконными отверстиями, сплошь устланное коврами. По углам в медных чашах стояли масляные светильники. По стенам было развешено оружие: сабли, айбалта, шокпары, которое поблескивало от огня светильников.

Канышер Абылай был в легком домашнем халате и в белом, с узорами, высоком тумаке на голове. Он сидел нахмуренный на высокой, из резного дерева скамье. Слева от него на небольшом стуле разместился Уали султан. Было видно, что до прихода Жангира у них шел довольно напряженный разговор. Когда Жангир вошел, Уали султан встал, чтобы поздороваться с братом. Канышер Абылай остался сидеть на месте. Он никогда не позволял себе каких-то нежностей по отношению к сыновьям. Не позволял себе обнимать их, поцеловать в щеку или ласково потрепать за волосы. Он считал это слабостью, недостойной мужчин. Для него мужчина – прежде всего воин.

Жангир султан подошел сначала к отцу и протянул ему для приветствия две руки, затем поздоровался с Уали султаном.

– Садись, рассказывай, – сразу перешел к делу Канышер Абылай.

– Отец, я всё выполнил так, как ты сказал. Семь табунов, в каждом из которых по полторы тысячи лошадей, я разместил в долине у небольшой реки с множеством рукавов. Подножного корма там предостаточно. Коней будут под присмотром сотни сарбазов под началом опытного сотника Бердибека. Я приказал Бердибеку находиться там, пока мы не пришлем гонца с указанием о перегоне лошадей обратно в наши степи.

– У тебя всё? – спросил сына Канышер Абылай.

– Нет. На обратном пути нам повстречались несколько десятков изможденных людей. Они из рода конырат, их многочисленный аул находился примерно в трехстах верстах к востоку от Туркестана. – И Жангир султан поведал отцу о том, какая трагедия случилась с этими людьми.

Выслушав сына, Канышер Абылай встал, медленно подошел к стене, на которой был прикреплен медный светильник, освещавший помещение. Некоторое время он, не мигая, смотрел на огонь, потом, резко повернувшись к сыновьям, сказал:

– Джунгары, говоришь! Видишь, Уали, я тебе только что, до прихода Жангира, говорил, что скоро они объявятся. И вот подтверждение моих слов! Поэтому я тебе еще раз хочу сказать, что, когда на тебя нападают с копьем, невозможно защититься книгой. Конечно, знания и наука – великое дело, но прежде всего нужно быть готовым защитить себя и свой народ. Здесь, на юге, местные султаны, беки и правители родов не хотят меня слушать, говорят, что мне, Абылаю, лишь бы воевать. Их воины зажирили от безделья, начинают забывать воинские навыки. Да, сейчас мы пребываем в относительном благополучии: Хивинский хан с нами в дружбе, султан-правитель Ургенча Каип является твоим, Уали, тестем, моим сватом. Но всё может измениться в один день! Поэтому я скажу вам следующее. Я буду продолжать вести свою линию и буду убеждать других султанов-правителей, чтобы они изменили свое отношение к вопросу готовности к отражению вражеского нападения. Что касается тех воинов, которые непосредственно подчинены тебе, Жангир, и мне, – ты ответственен за то, чтобы они могли в любую минуту отразить нападение врага... А теперь, идите, – закончил Канышер Абылай и вновь, приникнув к светильнику, начал смотреть на огонь.

Братья двинулись к лестнице, и уже у самого выхода Жангир султана окликнул отец:

– У тебя, говорят, родился сын... Как только перестанет сосать грудь, пусть меньше проводит время со своей матерью. Когда ему исполнится три года – посади его на коня и отдай его на воспитание старому опытному воину. Всё, идите.

Уали и Жангир спустились во двор и, так как давно не виделись, крепко, по-братски обнялись, чего не могли себе позволить при отце. Но всячески почитая и по-своему любя отца, они всё же позволили себе немножко по-доброму пошутить и по-сыновьи посмеяться по поводу его слов.

Уали заметил:

– Жангир, послушай, по-моему, отец и сейчас готов твоего маленького оторвать от груди и сразу посадить на коня.

Жангир рассмеялся, а затем уже с очень серьезным выражением лица сказал:

– А что касается всего остального, что сказал отец, то я с ним солидарен. Уали, если бы ты видел этих людей, которых мы встретили на обратном пути... От их рассказов просто волосы на голове встают дыбом. Мы должны быть всегда начеку.

– Да, да... Мы, кочевники, уже который век живем в постоянных войнах, – несколько философски, отстраненно ответил ему Уали.

Хорошо знавший своего брата, Жангир улыбнулся и сказал:

– Приходите с Санией вечером к нам. Я зарезу барана, все-таки у меня родился сын.

– Хорошо, хорошо. Саня любит бывать у вас.

Братья разошлись, и Жангир поспешил к себе домой, чтобы еще раз посмотреть на своего маленького сына.

* * *

Прошел год. В Туркестане и окрестных территориях было относительное спокойствие. У Уали султана и Сании родился сын. Родители радовались появлению первенца, в особенности Сания. Когда довольно долгое время после прихода невесткой в дом Канышер Абылая Сания не могла забеременеть, она страшно из-за этого переживала. А сейчас она светилась от счастья.

...В один из теплых весенних дней Жангир султан расположился на открытой террасе, сидя на большом ковре. Рядом с ним копошился его маленький сын, которому шел второй годик. Прошло около месяца, как малыш начал ходить. На террасу поднялась Кулан, держа в руках две вазы с фруктами и свежее испеченными лепешками. Поставив их перед Жангир султаном, она присела рядом с ним на ковер. Кулан была в легком шелковом платье и выглядела цветущей молодой женщиной. Жангир, любуясь, приобнял ее. Увидев вазы с кушаньем, их маленький сын подбежал к ним, взялся за лепешку и тут же отдернул руку, так как лепешки были еще горячими. Мальчик сделал это так быстро, что Кулан не успела ни убрать вазу с лепешками, ни задержать руку сына. Обжегшись, мальчик спрятал руку за спину и выжидающе смотрел прямо в глаза отцу.

Жангир шепнул Кулан:

– Тихо, тихо... Заплачет-не заплачет?

– Разве он заплачет, он же весь в отца. Ведет себя как настоящий султан, – приговаривала Кулан, тиская сына и сажая его себе на колени.

Она стала дуть на его руку, а затем, разломав пополам большой абрикос, смазала его соком пальчик своего любимца. Мальчик же все это время продолжал, не отрываясь, смотреть на лепешки. Заметив это, Кулан, продолжая тормошить его, приговаривала:

– И лепешки любит, как отец.

Кулан разломала лепешку, отдала одну половинку Жангиру, а от второй отламывала маленькие кусочки и, предварительно подув на них, кормила ими сына. Малыш, кушая лепешку, кряхтел, издавал какие-то звуки, и родители не могли не умиляться им и счастливо смеялись.

– Кстати, – вдруг встрепелась Кулан, – сегодня я от тебя не отстану. Все, хватит откладывать. Сколько можно мальчику ходить без имени! А то мы всегда говорим: «Ест, как настоящий султан, спит, как настоящий султан». Султан, султан, султан... А имя так ему и не дали. Мне, к слову, Сания сказала, что его дед Абылай так и думает, что мы его внуку дали имя Султан. И более того, у Уали султана и Сании только месяц назад родился сын, и то у него уже есть имя.

– А как называли они своего сына? – спросил Жангир.

– Абульмансур, – ответила Кулан.

– Абульмансур, – повторил за ней Жангир. – Сынок мой, – произнес Жангир, забирая мальчика у Кулан и посадив его к себе на колени, – у тебя появился младший брат Абульмансур. – Затем, обращаясь уже к Кулан, сказал: – Ну что же, ты права. Дадим имя сыну сегодня. И я предлагаю следующее: так как за ним в первый годик его жизни уже закрепилось Султан, то пусть первая половина его имени и будет звучать как Султан. А что касается его полного имени...

Жангир султан на некоторое время задумался. Затем поднялся и, держа сына перед собой на вытянутых руках, произнес:

– Я нарекаю его именем Султанмухаммед! Султанмамат!

Кулан тоже встала и прижалась к Жангиру со спины. Жангир поцеловал сына в лобик и, бережно опустив его на ковер, крепко обнял свою любимую.

Так, прикинувшись друг к другу, стояли они, пребывая в пьянящем ощущении счастья. В какой-то миг они услышали знакомые звуки. Посмотрев одновременно на сына, они увидели, как маленький Султанмамбет, сидя на ковре, уплетает уже не такие горячие, остывшие лепешки. Жангир султан присел на корточки перед сыном, и тот, отломив от лежавшей перед ним лепешки большую часть, протянул ее отцу.

На следующий день к вечеру Жангир султан и Кулан, взяв с собой маленького Султанмамбета, решили навестить Уали султана и Санию. Кулан приготовила столько гостинцев, что пришлось взять с собой одного туленгута и служанку, чтобы те помогли всё это донести. А Жангир султан с раннего утра побывал в ближайшем от города табуне и лично выбрал жеребенка-однолетку в подарок Абульмансуру.

Когда Жангир султан с семьей приблизились к левой части дворца, на пороге их радушно встречали Уали, Сания и их приближенные. Жангир султан дал знак туленгуту, и тот подвел чистокровного жеребенка-однолетку вороной масти.

– Это мой подарок маленькому Абульмансуру. Через два-три года он уже сможет сесть на коня. К тому времени и этот жеребенок как раз подрастет.

Кулан в это время с удовольствием вручала гостинцы Сание. Помимо отрезов тканей, серебряных женских украшений, различных сладостей Кулан вручила в руки Сание маленькую красивую тюбетейку, которую она сама изготовила.

– Это для твоего маленького сына, – сказала Кулан.

– Ой, какая чудная! – воскликнула Сания и, увидев, что на правой части тюбетейки вышиты золотой нитью какие-то знаки, спросила: – А что здесь вышито?

– Сания, ты же знаешь, и твой, и мой сын – оба они чингизиды. Это их родовые знаки-обереги.

– Я знаю некоторые их родовые знаки, но эти несколько отличаются.

– Знаешь, Сания, я тебе расскажу следующее. Как ты помнишь, мой отец был прямым потомком Керей хана. А моя бабушка по материнской линии – кипчачка. Когда мой отец взял в жены мою маму, то бабушка связала и подарила ему головной убор с такими же знаками. А когда я была совсем маленькой, бабушка рассказывала мне и моей маме, что она в свое время видела точно такие же знаки на боевом племе Салкам-Жангира. Поэтому, видишь, и у нашего Султанмамбета на тюбетейке такие же знаки, – по-доброму заключила Кулан. – Кстати, где же маленький Абульмансур? Мы же пришли все его посмотреть, в том числе его старший братик.

– Пойдемте, пойдемте, – радушно ответила Сания.

Все пошли наверх. Поднявшись, в одной из комнат они увидели красивый из резного дерева бесик, в котором спал Абульмансур.

Уали султан подвел за руку Султанмамбета:

– Смотри, это твой брат Абульмансур.

Султанмамбет с интересом смотрел на спящего малыша.

Взрослые сели на ковер, и Уали султан, как старший, воздев руки вверх, произнес:

– Да ниспошлет Всевышний благоденствие нашему народу. Да поддержат аруахи этих двух наших сыновей – продолжателей рода в их праведных делах. Пусть духи предков оберегут и защитят их в трудные времена. Аминь.

Все провели ладонями по лицу.

– Очень хорошо, – сказала, приподнимаясь, Сания. – А теперь все идем к дастархану.

Дастархан был накрыт в соседней большой комнате, откуда уже доносились вкусные запахи вареной конины. Женщины пошли вперед, а Уали с

Жангиром, приотстав, заметили, что маленький Султанмаммет как стоял у колыбели, так и стоит, рассматривая малыша.

– Они должны быть всегда вместе, – сказал Уали Жангиру, – а то помнишь, как отец в детстве отправил меня в Ургенч, а тебя – в Тараз, и мы встретились только через семь лет. Я так скучал по тебе.

– Я тоже, – сказал негромко Жангир, а потом, улыбнувшись, добавил: – Но они, конечно, будут вместе.

В это время им поднесли большие пиалы с кумысом, и они, не сговариваясь, разом осушили их до дна.

* * *

...Шло время. И в общем всё происходило так, как и хотели братья Уали и Жангир: Султанмаммет и Абульмансур росли вместе.

Через год после того памятного дня сделал свои первые шаги Абульмансур.

Когда Султанмаммету исполнилось три с половиной, а Абульмансуре – два с половиной года, их впервые посадили на коней. К пяти-шести годам они уже были ловкими наездниками, их интересовало всё и вся. А самое главное – они были неразлучны. Встретившись рано утром, они то целыми днями пропадали на реке, ловя рыбу, то, вооружившись маленькими луками, которые им смастерил старый туленгут, пытались попасть стрелой в пролетающих ворон, то, взобравшись на крышу дедовского дворца, наблюдали за продолжительными воинскими смотрами, которые нередко проводил их дед Канышер Абылай со своими отборными сотнями...

Одним прохладным летним вечером Абульмансур как-то заговорщицки отвел Султанмаммета в сторонку и сказал:

– Помнишь, когда мы были на крыше, то левее того места, ближе к вашему дому, виднелась отдельная терраса, закрытая воротами?

– Помню, – ответил Султанмаммет.

– Так вот, – продолжал Абульмансур, – терраса на открытом воздухе, но за высокой стеной, и ворота на замке. Но в стене есть узкие проемы-окна, и мы сможем туда протиснуться.

– А зачем? – спросил Султанмаммет.

– Вчера вечером я заглянул туда, там стоят барабаны, их много. Помнишь, когда мы видели военный смотр, тогда на площадь вынесли два барабана, и нукеры выбивали на них дробь?

– Конечно, помню, – отозвался Султанмаммет.

– А там, на террасе, их много, и все они разные. Давай сегодня ночью туда пролезем, – придвинулся ближе к брату Абульмансур.

– Давай, – согласился Султанмаммет.

– Когда месяц встанет ровно над большим тополем, я подойду к твоему окну и дам знак. Ты вылезь через окно, и дальше мы по вашей крыше пройдем к той стене, – закончил Абульмансур.

Встретившись в назначенное время, братья ползком пробрались к нужной им стене. Оказавшись у стены, Абульмансур встал на плечи Султанмаммету и первым прошмыгнул в отверстие. Затем через тот же проем опустил вниз один конец своего кожаного пояса, а другой конец стал крепко держать обеими руками. Через мгновение в проеме появилась голова Султанмаммета. Он ловко подтянулся и прыгнул вниз. И вот они вдвоем на террасе и перед ними чудо – два десятка различных барабанов, и некоторые из них мальчишки видели первый раз. Не сговариваясь, они подошли к двум барабанам, которые оказались ближе всего, и, взяв барабанные палочки, сначала тихо, затем

громче и громче начали стучать по натянутой коже. Затем они стали бегать от барабана к барабану, громко ударяя по каждому из них. При этом они громко кричали и подбадривали друг друга. Наконец, братья обратили свои взоры на два больших барабана, которые стояли несколько в стороне и были похожи на казаны, но только с натянутой поверх них толстой кожей. Подойдя ближе, мальчики увидели, что рядом с ними лежат барабанные палочки гораздо толще и больше тех, какими они только что пользовались. Взяв их в руки, братья, охваченные азартом, с мальчишеским восторгом изо всех сил начали ударять по обоим барабанам...

Но развязка уже близилась. Откуда было мальчикам знать, что эти барабаны – боевые дабылы. И их звук мог означать только одно – внезапное приближение врага.

...Жангир султан, лежа в постели, приподнял голову. Нет, он не ошибался – это ударяли в дабылы. Он резко встал, быстро оделся и через несколько мгновений был готов спуститься вниз.

– Что могло случиться? – с большой тревогой в глазах спросила его шепотом Кулан, проснувшись и подбежав к нему вплотную.

– Я должен быстро скакать на городскую площадь, там соберутся все воины. Караульные доложат обстановку, и тогда будет ясно, в чем дело.

– Если поедете за крепостные ворота, заскочи перед этим домой, – крикнула Кулан вдогонку бегущему по лестнице вниз Жангиру.

Спустившись во двор, Жангир султан увидел, как его верный нукер Бексырга в легком степном одеянии и с платком, повязанным поверх головы, уже держит под уздцы своего коня и Кара Дауыла. Жангир султан взлетел в седло, и вдвоем с нукером они помчались к площади. По дороге к ним присоединялись другие воины, со стороны площади были слышны голоса людей и громкие выкрики сотников, собиравших своих сарбазов.

Канышер Абылай в длинной навывпуск белой рубаше, в высоких кожаных сапогах, в боевом шлеме, проворно, несмотря на свою грузность, сбежал по лестнице и громогласно прокричал: «Коня-а-а!» Слева на боку у него висела сабля, а в правой руке он держал огромный айбалта. Двое нукеров подвели к нему крупного коня пепельной масти и помогли взобраться в седло.

Всё было в движении, и только сотник Мадияр, под началом которого был весь караул, не мог понять одного: почему караульные, не доложив ему ничего, начали ударять в дабылы. Обычно он принимал решение и давал команду: «Бить тревогу». Покрутив ус, он сказал про себя: «Что-то тут не так» и, дав знак двум нукерам, быстро поскакал в сторону террасы.

Всего этого поднявшегося гвалта мальчики не могли слышать – в их ушах стояли лишь гулкие, заглушающие всё барабанные звуки. Но вдруг Султанмаммет заметил, как зажглись огни на ближайшей к ним сторожевой башне. Он перестал стучать и, рукой показав Абульмансуру, крикнул:

– Смотри!

Они увидели, что уже на всех главных четырех сторожевых башнях зажглись огни. В этот же момент ворота распахнулись, и на террасу, тяжело дыша, вбежали сотник Мадияр и два нукера. В одно мгновение сотнику всё стало ясно. Он крикнул нукерам: «Ведите их к Абылаю!» А сам поспешил на площадь, чтобы дать отбой тревоге.

...В главной зале дворца помимо Канышер Абылая, сидевшего, как обычно, на своей широкой скамье, находились Уали, Жангир и еще несколько сотников, в том числе сотник Мадияр. Чуть в стороне от сотников стояли Султанмаммет и Абульмансур.

– Как так могло получиться, что эти двое пробрались к дабылам, минуя охрану? – грозно спросил Мадияра Абылай.

Сотник вышел вперед и ответил:

– Абылай султан, извне попасть во дворец и тем более на его крышу, где находится терраса, невозможно, так как вокруг дворца через каждые двадцать шагов стоят по два караульных. Уже более десяти лет караульная сотня под моим началом, и, как Вы знаете, ни разу не было какой-либо оплошности со стороны караульных. А эти два юных султана, – Мадияр не мог их назвать иначе даже в такой ситуации, – как раз таки попали на крышу изнутри дворца.

Абылай, выслушав сотника и убедившись в его правоте, громко хмыкнул и протянуто изрек:

– Поня-а-атно!

Затем встал со скамьи и с камчой в руке двинулся к мальчикам.

– А этих сорванцов нужно наказать! Кто из них старше? – продолжил он и остановился напротив Султанмамета.

Султанмамет был действительно старше, но еще и крупнее, и на полголовы выше Абульмансура. Вдруг, в одно мгновение, Абульмансур встал перед Султанмаметом, закрыв его спиной, и, глядя в лицо Абылаю, по-мальчишески, но твердо сказал:

– Не трогай Султанмамета, это я уговорил его подняться на крышу.

– Ах, это твоя затея! – повысил голос Абылай и, собрав камчу в ладонь, не наотмашь, но чувствительно ударил Абульмансура рукояткой чуть пониже спины.

Абульмансур стоял весь в напряжении, как натянутая струна. Его руки до боли были сжаты в кулаки, зубы стиснуты. А два глаза-огонька буквально сверлили Абылая.

Абылай медленно пошел к своей скамье, дав знак рукой, что все могут уходить. Сотники поспешно покинули залу.

Уали султан подошел к мальчикам и быстро шепнул Султанмамету:

– Спускайся вниз, там тебя ждет отец.

Сказав это, Уали взял за руку сына и хотел пойти с ним к выходу, но Абульмансур стоял неподвижно и выдернул руку. Тогда Уали поднял Абульмансура двумя руками и стремительно вышел.

Весь следующий день Абульмансур не выходил из дома. Вечером он рано лег в постель, но не спал и лежал с открытыми глазами. Он услышал, как в комнату заходит мать, и прикрыл глаза. Сания поставила на столик рядом с Абульмансуром пиалу с айраном и потихоньку вышла. Абульмансур лежал и долго смотрел в оконный проем. Наступила ночь, на небе замерцали звезды. Ему вспомнилось, как некоторое время назад он спросил мать:

– А что такое Тенгри?

– Это – Вечное Синее Небо, – ответила она.

– А звезды на небе? – продолжал он.

– А звезды – это Сыны Неба – души покинувших этот мир людей. Но не каждый может стать Сыном Неба, только великие люди. И чем больше звезда, тем величественнее деяния этого человека.

Вспомнив теперь этот разговор, Абульмансур сказал сам себе: «Я обязательно буду Сыном Неба. Иначе зачем тогда вообще жить. И звезда моя будет большая». Он встал, взял пиалу в обе руки и залпом выпил айран. Дальше он знал, что нужно ему делать. Он потихоньку прошел в дальнюю комнату, где хранились книги отца. Затем, чтобы его никто не слышал, через окно вылез на террасу. Постояв немного на террасе и подышав свежим воздухом, он ловко

залез на крышу. Ползком по крыше добрался до другой террасы и, уже с нее, бесшумно залез в раскрытое окно спальни своего деда.

Канышер Абылай спал на широкой кровати. Все масляные светильники на ночь были погашены, кроме одного, который стоял в дальнем углу на полу. От него шел тускловатый свет, и в комнате не было темно.

Абульмансур, тихо ступая, подошел к кровати и присел на ковер возле нее. Он знал, что он скажет деду, но не хотел его будить и стал ждать, когда тот проснется сам. Прошло немного времени, и вот Абылай приподнялся на локте и протянул руку, чтобы взять с рядом стоящего столика большой ковш, который прислуга всегда наполняла свежей водой и оставляла на ночь для султана. Сделав несколько глотков, он поставил ковш на место, и в этот момент заметил фигурку подростка, сидящего на ковре.

– Кто здесь? – нарушил тишину Абылай.

Абульмансур поднялся с ковра и негромко сказал:

– Это я, Абульмансур, твой внук.

– Что ты здесь делаешь ночью? – протирая глаза и уже сев на кровати, спросил Абылай.

– Я хочу с тобой поговорить.

– Почему же ночью? – продолжил дед.

– А днем к тебе не пускают нукеры.

– Так-так, – прохрипел Абылай.

Абульмансур негромко, но потом всё тверже и проникновенней начал говорить:

– Абылай ата, я не мог сегодня ночью не прийти к тебе. Мне нужно тебе сказать. И начну с вопроса: почему ты меня ударил при людях? Ведь я же внук твой, внук Канышер Абылая, ведь я же правнук Салкам-Жангира, ведь я же султан! Ведь я же хочу, как ты и как мой прадед, защищать наш народ и нашу землю! Я вырасту и буду Сыном Неба! Зачем ты меня ударил при сотниках? Ударил бы наедине, но не при них! Никто из воинов, даже если они и сотники, не должен видеть такое! Через десяток лет я встану во главе их всех! Я же горжусь тобой и своими дедами!

Абульмансур замолчал, но прямо, не мигая, смотрел на деда.

– Наконец-то! – громко выдохнув, воскликнул Абылай и, подтянув одной рукой к себе Абульмансура, крепко прижал его к себе.

И в этом «Наконец-то» он выразил всё – все свои многолетние думы и переживания о том, кто же заменит его, ведь ему уже под шестьдесят. Старший сын Уали увлечен только книгами. Второй сын Жангир – хороший воин и очень ответственный, но предводителем он стать не сможет, не тот размах у него. «Вот кто меня заменит!» – говорил про себя Абылай, и неимоверная радость была у него на душе.

Он посадил внука рядом с собой и, помолчав немного, спросил:

– Сколько тебе сейчас лет?

– Десять, – ответил Абульмансур.

– Значит, сыну Жангира сейчас одиннадцать, он же на год старше тебя?

– Да, – ответил внук.

Забрезжил рассвет. Абылай сказал:

– Иди к себе, только не лазь по крышам, иди через дверь. Я сейчас скажу старшему по охране, чтобы тебя всегда пускали ко мне. А утром я вас с Султанмаметом вызову.

На следующий день после утреннего чая Канышер Абылай вызвал к себе Абульмансура, Султанмамета, их отцов и старшего туленгута Бекайдара. Когда все пришли, он неторопливо, с расстановкой, обращаясь к сыновьям, сказал:

– С сегодняшнего дня Абульмансур и Султанмаммет будут жить здесь и находиться постоянно при мне.

Затем, повернувшись к Бекайдару, дал несколько поручений:

– В маленькую комнату наверху, рядом с моей спальней, принесите два топчана – там будет их спальня. Летом пусть ночуют там же, где я, на моей открытой террасе. Сегодня же закажите оружейным мастерам, чтобы им обоим изготовили по сабле, копьё и луку со стрелами. Пусть делают оружие размерами как для взрослого воина среднего роста. Сейчас для них, может, будет несколько тяжело обращаться с оружием для взрослых, но зато потом, через год-два, для них всё будет казаться легким, так как привыкнут. Пусть оружейники всё изготовят быстро, за несколько дней... Все, кроме Абульмансура и Султанмаммета, можете идти.

После того как все ушли, Абылай посадил подростков напротив себя и начал объяснять, как будет построен их каждый день и чем они будут заниматься с раннего утра до позднего вечера.

– Утром встаем, как только забрезжит рассвет. Весной, летом и осенью сразу после пробуждения – легкая пробежка до речки, там умывание, возвращение во дворец для утреннего чая. Зимой – утреннее умывание во внутреннем дворе холодной водой. Затем полдня занятия с оружием на коне и в пешем порядке. После этого обеденный прием пищи, небольшой отдых, уход за конем, чистка и подготовка оружия на следующий день. Вечером игра со мной в тогызкүмалак, вечерний чай и сон. Так будет каждый день! А сейчас нам запрягут арбу, и мы вместе поедem в табун выбирать вам хороших коней.

– А у меня есть конь, он хороший, мне его еще жеребенком отец подарил, – сказал Султанмаммет.

– Сколько ему лет? – спросил Абылай.

– Ему два с половиной года, он золотисто-рыжей масти, я его назвал Сары Дауыл.

– Ну, поехали, покажешь своего коня, – сказал Абылай и, повернувшись к Абульмансуру, спросил: – А у тебя есть конь?

– У меня был конь, мне его Жангир ага подарил, когда я родился. Но сейчас ему уже больше десяти лет, и он не такой резвый. И я теперь езжу на разных. Обычно прошу у табунщиков, когда нужно куда-нибудь съездить.

Старший туленгут Бекайдар ускакал раньше к табуну, поэтому к приезду Канышер Абылая с внуками все табунщики с почтением их встречали. Султанмаммет сразу же нашел своего коня и сел на него верхом, хотя тот был без седла. Проскакав небольшое расстояние, он вернулся и подвел коня к Абылаю. Тот похлопал коня по шее со словами:

– Хороший будет жеребец!

Затем он дал указание Бекайдару, чтобы табунщики нашли другого коня примерно такого же возраста, как и Сары Дауыл, для Абульмансура.

Через некоторое время табунщики привели двух коней возраста двух с половиной лет – гнедой и серой мастей. Абульмансур выбрал серого.

По дороге домой Абылай оставил обоих внуков у речки и, уезжая, сказал, чтобы каждый из них собрал по восемьдесят одному белому камешку и столько же черных камешков, которые должны быть круглой или овальной формы. Бекайдар поднял с земли один камешек и показал:

– Вот такой величины должны быть камешки.

Абульмансур и Султанмаммет, оставшись вдвоем, вдоволь накупались в речной воде. Затем, лежа на траве, грелись на солнце. Недалеко от речки росло несколько деревьев джиды, и подростки подкрепились их плодами.

После этого, собрав необходимое количество камешков, они сложили их в

узлы, сделанные из своих рубашек, и двинулись в сторону дома. Во дворец они пришли ближе к вечеру.

Канышер Абылай удобно расположился на ковре в большом зале, полулежа и подмяв под себя пару подушек. Было видно, что он пребывает в хорошем настроении. Перед ним лежали две доски для игры в тоғызқұмалақ, а справа стоял небольшой столик с чайником, чашками и вазой с сухофруктами на нем.

– Принесли камни? Давайте их сюда, – сказал он внукам.

Разложив камешки по доскам, он велел:

– А теперь садитесь напротив меня, каждый у своей доски. Я вам сейчас расскажу правила игры. Сразу всё не запомните, но главное – начать играть, а потом вовлечетесь, и вам станет интересно.

Терпеливо растолковав подросткам суть и правила игры, Абылай предложил:

– Ну, давайте начнем. Я буду играть с вами одновременно на двух досках. Если что-то будет непонятно – спрашивайте.

И они начали играть. Подростки действительно стали потихоньку вовлекаться в игру. В тот первый вечер, сыграв с обоими внуками несколько раз, Абылай вышел победителем во всех играх. Но потом было много вечеров и много игр. И в один из теплых дней, играя на террасе, Султанмамат и Абульмансур, приноровившись к хитроумным ходам Абылая, сумели почти одновременно взять тұздық на лунках деда, и это предопределило их победу. Через несколько ходов на обеих досках Абылай признал поражение. В тот день он подарил своим внукам по красивой камче, рукоятки которых были инкрустированы резной костью, а плети сделаны из добротной кожи.

Утром старший туленгут Бекайдар поднялся наверх к сидевшему на террасе Канышер Абылаю и доложил, что пришел старый оружейник с двумя своими учениками, и что они принесли новое оружие для молодых султанов.

– Пусть заходят, – распорядился Абылай.

Через некоторое время к нему подошли пожилой мастер-оружейник и два его подмастерья. Они прислонили к стене два копья и положили на широкий стол две сабли и два лука с колчанами, в каждом из которых было по двадцать стрел.

Абылай сначала взял в руки одну саблю, потом вторую. Достав их из ножен, проверил на вес и на остроту. Поднял поочередно копья, но особенно он остался доволен луками – их упругостью и качеством тетивы. Абылай знал давно этого оружейника. Похвалив его, он, обращаясь к Бекайдару, распорядился подарить оружейнику коня-трехлетку, а подмастерьям выделить по барану.

И затем, держа в руке большую пиалу с кумысом, сказал:

– Впереди всё лето. С молодыми султанами начнем обучение боевым навыкам с завтрашнего дня.

Утром следующего дня Абульмансур и Султанмамат, держа за уздцы своих коней, стояли на одной из больших полей, где обычно проводились военные смотры. Она находилась за городом недалеко от тех мест, где содержались табуны лошадей. К седлам их коней с одной стороны были приторочены копья, с другой – колчаны со стрелами. У них же самих на поясе, с левой стороны, висели сабли, а на спинах – луки, надетые через голову и одно плечо.

К подросткам приближалась группа всадников. Впереди верхом на коне ехал Канышер Абылай, за ним – Бекайдар и пять нукеров. Когда они подъехали, Бекайдар помог Абылаю слезть с коня. Молодые султаны с почтением поздоровались со своим дедом и с остальными.

Абылай, обращаясь к султанам, сказал:

– На этом месте вы должны быть каждое утро. Со мной прибыли пять нукеров из отборной сотни. Эти воины искусно владеют всеми видами оружия, и они будут обучать вас военному ремеслу столько времени, сколько понадобится. Приступайте, – кивнул он воинам.

Один из нукеров, по имени Азиз, пояснил молодым султанам:

– Обучение будет проводиться по полдня, с утра и до обеденного аса. Первая половина занятий будет посвящена навыкам владения оружием в пешем порядке, вторая половина – владению оружием на коне. А сейчас снимите с себя луки, начнем обучение с обращения с саблей.

С каждым из султанов занимались по двое нукеров. Один из них, тоже с саблей в руках, был воображаемым противником, а второй давал указания со стороны.

Потом переходили к копьям, но тоже в пешем порядке.

Затем стреляли из лука, стоя на земле. Стреляли с разных расстояний по деревянным щитам, прикрепленным к столбам.

После этого всё продолжалось в том же порядке: сабля, копье, стрельба из лука, но только уже верхом на конях.

Канышер Абылай через каждые двадцать дней приезжал утром посмотреть, как идут дела. Он иногда давал указания нукерам, на что больше обратить внимание, но в целом всегда оставался доволен ходом обучения.

* * *

Прошел год. И каждый день, в течение всего года, в любую погоду молодые султаны целенаправленно развивали навыки владения оружием.

Стояло начало лета. Абылай сидел на террасе и пил кумыс, когда к нему пришли Бекайдар и Азиз.

– Говорите, – сказал им Абылай.

Азиз произнес:

– Абылай султан, молодые султаны проявили упорство и усердие в обучении. И теперь мы им не нужны. Всё, что умеем и знаем, мы им передали. И они уже сами, без нас, могут продолжать заниматься и совершенствовать свое боевое умение.

Абылай молчал. Когда он несколько дней назад наблюдал за занятиями, он и сам поймал себя на мысли, что нукеры больше не нужны султанам. Они обучили своих подопечных всему тому, чем владели сами.

– Хорошо, молодцы! – громко сказал Абылай, похлопав нукера по плечу.

И, уже обращаясь к Бекайдару, произнес:

– Всем пятерым нукерам дай по ковру в подарок от меня. И вызови ко мне обоих молодых султанов...

Когда Абульмансур и Султанмамбет поднялись на террасу, Абылай пребывал в хорошем расположении духа. Налив внукам по пиале кумыса, он сказал:

– Нукеры хвалят вас, говорят, что вы уже успешно многое освоили. Но мое указание вам – продолжать усердно оттачивать воинское ремесло! Допейте свой кумыс и можете сходить на речку, освежитесь.

* * *

Прошел еще один год. Абульмансур и Султанмамбет превратились из подростков в крепких молодых юношей. Особенно вырос Султанмамбет. Абульмансур был чуть пониже ростом. Но оба они были крепко сложены, широкоплечи.

Как-то Абылай, проезжая на коне возле реки, увидел, как двое его внуков, испугавшись только что, вышли на берег. Они были без одежды, и Абылай мог увидеть их молодые мускулистые тела. Быстро надев только шалбары, они, голые по пояс, одним взмахом ноги просто взлетели в седла и практически с места пустили коней в галоп. Натянув поводья и остановив своего жеребца, Абылай с удовольствием наблюдал, как два его выросших внука в красивом, плавном галопе летели на конях над зеленой степью.

Канышер Абылай увидел, что по направлению к нему скачет Бекайдар. Подскакав, туленгут сказал, что прибыл гонец от Болат хана, который сообщил, что сам Болат хан со свитой выехал из Ургенча в Туркестан и должен прибыть сюда через пять-семь дней.

Абылай султан вернулся во дворец, разместился на террасе и повелел принести ему чаю. Он вспомнил события последних нескольких лет.

Пять лет назад ушел в мир иной Каип хан, его сват, отец Сании – жены его сына Уали.

Через некоторое время Каипа заменил молодой Болат хан. В первые годы Болат хану пришлось выстраивать отношения с ургенчскими султанами и беками. И теперь он решил приехать в Туркестан.

«Ну что же, хорошо. Болат хан почти вдвое младше меня, но он все-таки имеет титул хана и к тому же всегда с уважением относится ко мне, поэтому я приму его хорошо, со всеми почестями».

В этот момент его осенило, и он позвал к себе Бекайдара. Как только тот пришел, Абылай начал ему быстро говорить:

– Сегодня же объяви всем, что в связи с прибытием в Туркестан Болат хана будет пятидневный той. Во время тоя состоятся айтысы акынов, боевые смотры и кочевнические игры. Бекайдар, ты должен обеспечить через сотников и десятников, чтобы об этом событии знал весь народ! Давно не было больших смотров, и приезд хана – хороший повод для этого. Нужно выделить все необходимые средства для призов и подарков для участников айтыса, для победителей всех игр, включая стрельбу из лука и силовые игры – аударыспак и көкпар. И, конечно же, победителям всех забегов на бэйге. И главное, мяса и кумыса должно быть более чем достаточно. Пусть народ действительно почувствует праздник! Если же Болат приедет чуть раньше, чем через семь дней, то ничего страшного. Мы с ним пару дней до начала всех празднеств проведем в беседах. У нас есть о чем поговорить. Всё, иди выполняй.

Вечером Абульмансур и Султанмамат вернулись во дворец и готовились ко сну. Абылай, увидев их, подозвал к себе и сказал:

– Наверное, вы уже слышали о предстоящем приезде Болат хана и пятидневных празднествах. Будут игры. Участвовать в силовых единоборствах, как аударыспак, или в групповых схватках, как көкпар, вам еще рано, пусть там состязаются взрослые воины. Но в стрельбе из лука и бэйге попробуйте себя.

– Хорошо, – ответили братья.

В городе полным ходом шла подготовка к пятидневному тою. В один из дней прискакал гонец от Болат хана и сообщил, что хан уже завтра к полудню должен прибыть в Туркестан.

На следующий день утром Канышер Абылай со свитой выехал из дворца к главным городским воротам встречать Болат хана.

Перед главными воротами уже были построены семь отборных сотен, во главе которых на боевых жеребцах восседали сотники. Вскоре появилась свита Абылая. Они спешили с коней. Абылай присел на один из двух, больших, из резного дерева стульев, поставленных на возвышении. За ним находились

его сыновья Уали и Жангир, Бекайдар, Абульмансур, Султанмамат. Остальная свита расположилась чуть подальше. Все были в праздничных одеяниях.

Через некоторое время вестовые нукеры с белыми платками на головах, ожидавшие появления высоких гостей на подъезде к городу, быстрой рысью подскакали к Бекайдару и сообщили, что Болат хан вот-вот окажется у главных ворот.

Канышер Абылай оставался сидеть на стуле, но как только в воротах появился всадник в белом одеянии на высоком вороном коне, Абылай, узнав в нем Болат хана, встал и пошел навстречу. За ним двинулись только пятеро – первым шел Бекайдар, затем – двое сыновей и два внука. Болат хан, как только въехал в ворота, сам, без посторонней помощи, проворно слез с коня и направился навстречу Абылаю. За ним спешили все остальные. С ханом прибыли несколько батыров и туленгутов и отборная сотня нукеров.

Абылай султан и Болат хан крепко обнялись. На правах старшего Абылай начал говорить первым:

– Рад тебя видеть, досточтимый Болат хан! Я и весь народ Туркестана вышли встречать тебя! С завтрашнего дня я объявил пятидневный той в честь твоего приезда!

– Я тоже рад приехать в славный Туркестан, который много лет под твоей рукой, дорогой Абылай султан!

Потом Абылай представил хану двух сыновей Уали и Жангира. Болат был с ними почти одного возраста и тепло поздоровался с братьями.

– А это мои Абульмансур и Султанмамат, – с гордостью представил Абылай своих внуков хану.

– А, уже большие джигиты, – произнес Болат и, глядя с улыбкой на молодых султанов, похлопал каждого по плечу.

Затем все они пошли в сторону построенных воинов. Из ханской свиты за ними последовали только двое – главный туленгут Жанарыс и молодой батыр Шадиар.

Когда все поравнялись со строем, Бекайдар подал воинам знак, и сарбазы троекратным «Болат хан!» громко поприветствовали хана.

Абылай предложил Болат хану пройти пешком до гостевого дворца, стоявшего недалеко от центральных ворот. Болат хан со свитой был размещен в гостевом дворце, а сотня прибывших с ним воинов расположилась в юртах, заранее установленных поблизости от дворца.

Проводив Болат хана до входа в гостевой дворец, Абылай сказал:

– Отдохните немного с дороги, позже в моем дворце будет ас, приглашаю Вас и Ваших приближенных. Все прибывшие нукеры будут также накормлены, этим занимаются мои сотники. А завтра начинаются празднества: смотр, игры, айтысы. Так что завтра весь день проведем на воздухе.

На следующее утро весь народ собрался на большой поляне за городом. Болат хан и Абылай султан восседали на высоких из резного дерева стульях в большом полукрытом шатре, установленном так, чтобы лучи солнца не попадали на них. Слева и справа расположились их приближенные. На столе перед ханом и султаном было множество яств, а также кумыс и чай.

В первый день были объявлены силовые игры. Начали с аударыспак. На середину поляны выехали двадцать пар всадников. Все они были крепкими воинами в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет. По команде сотника, который руководил игрой, всадники, протянув друг другу правые руки, сцепились в схватке. Вокруг них, но не мешая им, также на конях ездил пять помощников сотника, которые следили за соблюдением участниками правил

игры. А по правилам нельзя было соперника толкать назад или нападать сзади и тем более использовать камчу при единоборстве. Можно было соперника тянуть только на себя либо проваливать его вперед. Двадцать пар всадников крутились на поляне в яростной борьбе.

После первой двадцатки на поляну выходила следующая. Затем новая. Это было очень захватывающее зрелище! Расположившиеся на траве вокруг всей поляны люди всячески – возгласами и гиканьем – поддерживали всадников, болея за своих родных и знакомых, участвующих в схватках.

Ближе к полудню состязания по аударыспах завершились. Сотники наградили всех победивших, каждый из которых получил в подарок коня-трехлетку.

Из всех участников только один молодой воин Бексырга победил два раза. Другие же после первой победы, изрядно устав, не выходили на второй поединок, довольствуясь одной наградой. Бексырга первого противника одолел быстро. Со вторым пришлось повозиться подольше, но он снова вышел победителем. Поэтому он получил двойную награду. И вообще он очень понравился ловкостью и умением всем наблюдавшим.

– Как зовут этого воина? – громко спросил Болат хан.

Сидевший неподалеку Жангир султан так же громко, чтобы все услышали, ответил:

– Это мой воин, его зовут Бексырга.

Болат хан подозвал своего Шадиар батыра и сказал:

– Я хочу, чтобы ты вышел на аударыспах с этим воином.

– Мой хан, я готов сразиться с любым воином, с кем прикажешь! Но Бексырга провел два поединка и наверняка подустал, а я со свежими силами. Наверное, это будет не совсем честно перед ним.

Болат хан задумался.

– Но есть выход, – вдруг проговорил Шадиар. – Давайте сначала я тоже выйду на поединки с двумя нукерами из нашей сотни. А потом уже – с Бексыргой. Тогда у нас будут равные условия.

– Верно говоришь, батыр! – ответил хан.

После этого Шадиар провел два поединка, первый из которых был упорным, второй же относительно быстрым.

И вот началась схватка между ним и Бексыргой. Шадиар был тридцатипятилетним признанным батыром, а Бексырге было тридцать лет, но он уже выделялся среди других воинов.

Схватка была долгой и захватывающей. Порой казалось, что Шадиар вот-вот перетянет с седла Бексыргу на себя. А пару раз – наоборот – Бексырга чуть не заставил провалиться вперед Шадиара. Помешал этому опытный боевой конь батыра, который не давал своему всаднику провалиться.

В какой-то момент Абылай обратился к Болат хану:

– Если ты не возражаешь, я на правах старшего предлагаю объявить ничью. Смотри, как долго они состязаются. И они достойны друг друга!

– Согласен, – тут же ответил Болат хан.

Рядом стоявшие главные туленгуты хана и султана Бекайдар и Жанарыс одновременно замахали руками, давая знак сотнику. Тот остановил схватку и направил сражавшихся к шатру. Подъехав к хану и к Абылаю, они спешили и присели на одно колено.

Первым заговорил Болат хан. Он сказал:

– Согласно нашему общему с Абылай султаном решению, вы оба объявляетесь победителями.

Затем он приказал обоим подойти к столу и, взяв из рук Жанарыса красивый халат, накинул его на плечи Бексырга, а также вручил воину саблю, ножны которой были инкрустированы красивыми камнями.

— С сегодняшнего дня, — продолжил хан, — я своим решением наделяю тебя титулом батыра. Теперь ты Бексырга батыр!

Бексырга, чуть волнуясь, ответил:

— Благодарю Вас, Болат хан! Оправдаю высокое доверие!

В тот же самый момент уже Абылай накинул не менее красивый халат на плечи Шадияра и вручил ему кожаный мешочек с золотыми монетами. Молодой батыр поклонился Абылаю и произнес:

— Благодарю Вас, Абылай султан! Вы для нас пример в битве с врагом!

В тот день так же интересно и захватывающе прошли игры в көкпар. Во второй половине дня поляна опустела. А вечером в нескольких местах прошли состязания акынов.

На второй день были объявлены состязания по стрельбе из лука, в том числе жамбы ату. Абульмансур хотел участвовать именно в этом виде.

Всем участникам разрешили иметь в колчане по десять стрел, что проверялось нукерами, следившими за соблюдением правил. Небольшие кожаные мешочки с серебром были привязаны конским волосом к столбам на разной высоте. А чуть дальше, на стоящем одиноко в степи высоком тополе, развесили мешочки с золотыми монетами. Эти мешочки располагались гораздо выше, чем мешочки с серебром. И чем выше находился мешочек, тем ценнее было его содержимое. И столбы, и дерево были отделены от всадников натянутым канатом так, чтобы участники не могли подскочить к висющим мешочкам ближе, чем на двадцать саженей. Всадники по очереди скакали мимо столбов и дерева и должны были на ходу расстрелять весь свой запас стрел.

Когда очередь дошла до Абульмансура, он на всем скаку три стрелы пустил по мешочкам из серебра. При этом ему удалось сбить один мешочек. У него осталось семь стрел. Быстро приближаясь к дереву, он пустил четыре стрелы, но ни одна не достигла цели, все попадали в ветки дерева совсем рядом с мешочками. У него оставалось три стрелы, и он решил, что их все нужно потратить на то, чтобы сбить мешочек, висевший выше всех остальных, а значит самый ценный. Он привстал на стременах и выстрелил. Стрела попала в конский волос, которым был прикреплен мешочек. Большая часть крепления была пробита стрелой, но мешочек все еще держался и покачивался. И тогда Абульмансур сказал себе: «Нужно бить прямо по мешочку, и он должен оторваться и упасть». И, не раздумывая, он одну за другой пустил прямо в цель две оставшиеся у него стрелы. Разворачивая коня, он увидел, как мешочек с большой высоты летит вниз. Вскоре один из следивших за игрой нукеров принес ему два сбитых им мешочка — один с серебром и второй с золотом.

Приблизившись к шатру, Абульмансур обратил внимание, что Болат хана и деда там нет, но от шатра к нему навстречу шел его отец Уали. Когда он подошел, Абульмансур спрыгнул с коня. Отец со словами: «Ты молодец у меня!» — обнял сына. И добавил:

— Твой дед с ханом отлучились во дворец, чтобы обсудить один важный вопрос.

Абульмансур протянул два мешочка отцу и сказал:

— Передай маме.

— Лучше будет, если ты сам сейчас ей отвезешь. Она будет очень рада.

— Хорошо, — с улыбкой ответил молодой султан и, сев на коня, легкой рысцой двинулся в сторону дворца.

Когда было объявлено о предстоящих празднествах, Султанмаммет сразу решил, что будет участвовать именно в аламан бэйге, которая состоится в последний, пятый день тоя. Поэтому он решил, что все дни перед скачками он проведет со своим конем и не будет отвлекаться на другие состязания.

Забрав Сары Дауыла из табуна, он с утра до вечера был со своим любимцем. Утром он приводил его к реке и давал попить речной воды, но немного. Один старый табунщик говорил Султанмамету, что утром коню не надо давать много воды, но вечером конь должен вдоволь напиться. После утреннего водопоя Султанмаммет, не сядя на коня, отводил его за две версты от города – там рос овес. Пустив жеребца пастись, Султанмаммет следил, чтобы тот за один раз не съедал много. Опытные табунщики также говорили молодому султану, что бегового коня лучше перед скачками кормить равномерно, три-четыре раза в день. Поэтому Султанмаммет приводил коня к полю, где рос овес, рано утром, в обед и вечером.

За два дня до скачек Султанмаммет навестил мать. Сидя с ней на террасе, он пробовал материнские угощения. Когда она принесла пиалу чая, он сказал матери о том, что решил с Сары Дауылом участвовать в аламан бэйге. Кулан заметила, что это серьезное испытание и для коня, и для всадника. А когда сын засобирился уходить, она спустилась с ним во двор, где стоял Сары Дауыл, привязанный уздечкой к столбу.

Кулан попросила сына:

– Подожди, дай мне немного времени, – и смело вплотную подошла к коню. Сары Дауыл даже не пошевелился. Погладив коня по холке, Кулан ловко и быстро заплела две косички на гриве – с левой и с правой стороны и, достав из кармана халата два шнурочка, закрепила ими косички, чтобы они не расплелись. Затем она заплела косичку на хвосте у коня и также закрепила шнурком.

– Так надо, – сказала она сыну. – Расплети косички утром перед скачкой.

В назначенный день и время Султанмаммет стоял на поляне, держа под уздцы Сары Дауыла.

В аламан бэйге вызвались участвовать чуть больше трех десятков наездников. Старый сотник Бердибек громко объяснял, где будет проходить путь всадников.

– Сначала нужно будет скакать прямо до реки. Достигнув реки, нужно повернуть налево и скакать вдоль реки до ясеновой рощи. Перед рощей снова повернуть налево, и там путь пойдет немного в гору. Поднявшись на небольшую возвышенность, вы увидите вдалеке верхнюю часть городской сторожевой башни. И прямо в направлении башни вы и поскачете. Затем обогнете город слева, и вернетесь на поляну. По всему пути будут стоять посты с нукерами, так что никому сократить путь не удастся. Сейчас раннее утро, полагаю, первые всадники вернутся на поляну к полудню.

Затем Бердибек сказал всем всадникам встать в одну линию, и по взмаху его камчи бэйге началась.

Сначала все участники шли плотной группой. Никто не пытался вырваться вперед.

Султанмаммет подумал, что самый длинный участок пути будет вдоль реки, к тому же он еще и каменистый. А самый сложный – это, конечно, участок при подъеме на возвышенность.

Когда до реки оставалось не так много, три конника пошли в отрыв. Первым оторвался от всей группы серый конь в яблоках с худощавым всадником. За ним увязались два гнедых. Все остальные пока шли в общей группе.

Вдоль речки у участников начался долгий изнурительный участок пути. «Главное, чтобы Сары Дауыл не поранил ногу о камни», – думал Султанмамбет.

Но вот вроде речка уходит вправо, а всадникам нужно налево, и дорога там пойдет вверх. К этому моменту серый и два гнедых ушли вперед. Сары Дауыл был во второй группе из четырех лошадей, а все остальные заметно отстали.

На подъеме Султанмамбет заметил, что Сары Дауыл старается идти резвее, и он голосом начал подбадривать коня.

Они первыми из второй группы поднялись на возвышенность, и Султанмамбет с вершины увидел, как серый и гнедые в двадцати саженях от них скачут уже вниз. Когда Султанмамбет на коне спустился к подножью и перед ними раскинулась широкая, ровная, покрытая зеленой травой степь, расстояние до серого и двух гнедых оставалось также примерно в двадцать саженей. И тут началась настоящая бэйге. Расстояние между конями никак не сокращалось. Через некоторое время Султанмамбет почувствовал, что у Сары Дауыла открывается второе дыхание. Сначала, ускорив бег, он обошел двух гнедых. А затем в плавном, красивом, летящем галопе начал настигать серого, и, когда уже были близко видны стены города, он вырвался вперед, оставив всех позади.

Через некоторое время Сары Дауыл с Султанмамбетом в седле первым стремительно влетел на поляну под радостные крики собравшихся...

* * *

Обеденный ас накрыли в шатре, где находились Болат хан, Канышер Абылай, их свиты. Пригласили также всех сотников, отдельных батыров и акынов.

Абылай перед началом аса встал и начал говорить:

– Завершились наши празднества, которые еще раз показали, что не перевелись у нас в народе отважные воины и доблестные батыры, искусные мастера-умельцы, замечательные акыны-сказители и просто хорошие, трудолюбивые люди, благодаря которым мы можем жить в благоденствии.

Мне уже немало лет. Я видел на своем веку много славных людей, которые с честью прошли свой путь и ушли в мир иной. Я вижу сейчас и достойное новое поколение, которое идет нам на смену.

И я хочу сказать...

Абылай на некоторое время замолчал, и было видно по его лицу, что он готовится сказать что-то очень важное. Через мгновение Абылай проникновенным голосом продолжил:

– Мы – кочевники! И наш дом – это Великая степь, Земля наших отцов!

Мы – кочевники! И мы помним и почитаем наших Великих предков!

Мы – кочевники! И мы любим своих отцов и матерей! И заботимся о них!

Мы – кочевники! И наши женщины – наши матери и сестры, наши жены и дочери – ходят с открытым лицом и управляют Степью наравне с мужчинами!

Мы – кочевники! Мы – турки! И мы чтим наши ценности, традиции и обычаи!

И в соответствии с ними воспитываем своих детей и внуков!

Мы свободный, гордый и честный народ!

В этом и есть наша главная Заповедь – Заповедь кочевника!

